

УДК 821.161.2

УКРАИНСКО-КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Гуменюк В.И.

Украинско-крымскотатарские культурные и литературные связи имеют давние традиции. Сам факт существования в украинском фольклоре обширного массива так называемых чумацких песен свидетельствует о том, что не только набеги и битвы (кстати, это не раз были совместные битвы против третьих сил), но и экономическое сотрудничество характеризует сложное и противоречивое течение исторических процессов. Чумацкий промысел известен уже с XV века. Чумаки (в переложении на язык сегодняшних понятий – «челноки») ездили со своими товарами на Дон, в Приазовье, но прежде всего в Крым, а оттуда привозили соль и рыбу. Крым упоминается в большинстве чумацких песен („Жовте листя опадає додолу, а чумаки вертаються із Криму додому ...”; „І раненько з Криму йду, гей, і всіх чумаків веду...”; „Ой ревнули воли в мальованім ярмі, з Криму їдучи...”) [1]. Чумацкие поездки („мандрівки”) были настолько распространенным явлением, что даже отобразились в астрономии. Млечный Путь – по-украински звучит так: Чумацький Шлях. По этой, словно застывшей в высоком поднебесье длинной россыпи соли чумаки ориентировались в безбрежном степном просторе, направляясь в Крым. Позднее фольклорные чумацкие мотивы развивались в литературном творчестве Т.Шевченко, Марко Вовчок (М.А.Вилинской), С.Руданского и других украинских писателей [2].

Взаимодействие украинско-христианского и крымскотатарско-мусульманского миров не только в плане противостояния, но и в аспекте сотрудничества, взаимопроникновения постигается в казацких летописях XVIII века, в литературе XIX века, прежде всего романтической (здесь уместно вспомнить поэмы Пантелеймона Кулиша «Маруся Богуславка» и «Магомет и Хадыза»). Но особенно ярко эта тенденция проявляется на рубеже XIX и XX веков, в эпоху модернизма, разрушающего стереотипы общественного и художественного мышления.

На рубеже двух эпох (классического реализма и модернизма) в украинской литературе особое место занимает многогранное творчество Ивана Франко (1856 – 1916). Вышедший в 1976 – 1986 годах 50-томник писателя включил далеко не все из его литературного наследия, ныне готовится к изданию 100-томное собрание его сочинений. Франко – поэт, прозаик, драматург, фольклорист, публицист, философ, литературовед, переводчик... Трудно найти национальную литературу, явлений которой он бы не осмысливал как литературовед и к представителям которой бы не обращался как переводчик. Данте, Шекспир, Гете, Мицкевич, Пушкин и многие другие писатели вводятся благодаря его интерпретациям в круг украинской литературы. Сочетая дар аналитика-исследователя и талант переводчика, И.Франко часто дополняет свои

литературоведческие статьи обширными цитатами, представляя читателю преимущественно неотрывки, а целые поэтические произведения авторов, о творчестве которых он пишет. Такой подход характерен и для статьи «Крымский хан Газы-Гирей (1588 – 1607) и кое-что из его стихотворений» [3]. Бора Газы Герай Хан Газай (1554-1607; Франко в названии своей статьи указывает годы правления) – одна из ярчайших фигур в крымскотатарской истории. И.Франко подчеркивает особый драматизм жизненного пути хана и поэта, которому присуще сочетание гордого духа и героической находчивости в преодолении неблагоприятных обстоятельств, глубокого крымского патриотизма и государственной мудрости. Высокородный крымский татарин провел молодые годы в Стамбуле, где преуспел в различных науках. Принимая участие в турецком походе против Персии, попал в плен и семь лет пребывал в неволе, но все же ему удалось бежать, а в последствии стать крымским ханом, проявлявшем дипломатическую изощренность, пытаясь отстаивать крымские интересы в условиях вассальной зависимости от турков. Он пережил небезуспешную попытку смещения его с престола, но все же в конце концов утвердился в своей власти. Сложные перипетии жизненного пути этого неординарного человека отразились в его поэтических произведениях, являющихся высочайшим достижением крымскотатарской литературы XVI века. Религиозно-философские, патриотические, батальные, сатирические, любовные мотивы своеобразно сочетаются в его изысканной лирике и эпическом творчестве. Акцентируя внимание на бурных событиях, выпавших на долю хана, и на их отзвуках в его поэзии, И.Франко переводит главным образом его газели, исполненные боевого задора, проникнутые пафосом отречения от обыденных радостей ради радости борьбы в «боях святых» за родной край (это прежде всего газель «Проста душа...») Эти же мотивы звучат и в верноподданном обращении к султану «Я борець твій і невільник...», за пышной риторикой которого, кажется, все же проступают и еле уловимые иронические интонации, становящиеся бодем очевидными в привлечших внимание литературоведа обстоятельствах написания этого поэтического произведения (газель создана в ответ на обвинение в том, что хан не проявляет достаточного усердия в отстаивании интересов Османской империи, не слишком торопится со своим войском на подмогу султану). Поэтически многозначительна и газель «В обороні фортеці Зомбор», в которой соседствуют патриотические и сатирические мотивы.

Статья Ивана Франко «Крымский хан Гази-Гирей (1588-1607) и кое-что из его стихотворений», посвященная жизни и творчеству выдающегося государственного деятеля и поэта, является одним из первых в украинском литературоведении тюркологических исследований.

В украинской литературе рубежа XIX и XX веков самым мощным течением является неоромантизм. Его представляет прежде всего творчество Леси Украинки (Ларисы Петровны Косач-Квитки, 1871–1913). Актуализация целостности мифологического мировосприятия, постижение разнообразнейших аспектов бытия как факторов достижения художественной гармонии является ведущей типологической особенностью этого течения. Одним из аспектов этой многогранной гармонии является национально освоение интернациональных традиций. В мусульманские мотивы... Ярko проявились в ее произведениях и

мотивы крымскотатарские. В поэтическом творчестве Леси Украинки полифонически сочетаются античные, библейские, Леся Украинка и в личных путешествиях, и в воплощенном в ее произведениях художественном воображении побывала во многих странах и краях. Но Крым, о чем писал еще И.Франко, сыграл особую роль в ее творческом становлении [4] и, как известно, в дальнейшей творческой судьбе. О крымских годах жизни поэтессы свидетельствуют фундаментальные научные работы Ольги Косач-Кривинюк [5], Мирослава Мороза [6], специально этой теме посвящены монографии Олега Бабышкина [7], Светланы Кочерги [8], исследования других ученых. Но собственно крымскотатарские мотивы в творчестве Леси Украинки еще не были предметом глубокого научного рассмотрения.

Впервые Леся приехала с мамой (писательницей Оленой Пчилкой) в Крым в июле 1890 года. Около месяца она лечится в Саках грязевыми ваннами. Позднее в августе переезжает в Евпаторию (здесь на доме, где жила поэтесса, ныне установлена мемориальная доска). В Евпатории написано стихотворение «Тишина морская». А стихотворение «Играй, моя песня!» написано уже «среди чистого моря» (авторская пометка) по пути пароходом из Евпатории в Севастополь. Потом состоялась поездка по железной дороге в Бахчисарай. Именно стихи о Бахчисарае стали кульминацией цикла «Крымские воспоминания», вошедшего позднее в первый поэтический сборник Леси Украинки – «На крыльях песен» (1983).

В цикле «Крымские воспоминания» поэтесса проявляет себя изысканным маринистом. Разнообразные морские пейзажи, меняющиеся, воссозданные с ощущением величественной шири и точностью живописных деталей, засвечиваются под пером поэтессы многогранной художественной символикой. Если стихотворение «Тишина морская», ключевыми в котором являются вроде бы безмятежные строки «Здесь, наверно, не слышали, что бывает непогода!», исполнено светлой мажорной приподнятости, но стихотворение «Непогода» пронизано драматической экспрессией. Здесь не только в ярких зрительных и звуковых образах обрисовывается буря на море, но достигается особая художественная философичность. Ее возникновению способствует прежде всего характерный еще для украинских народных песен поэтический параллелизм между явлениями природы и социальной сферы. Среди бушующей морской стихии сочувственное внимание лирической героини приковывает уже разбитый и далее терзаемый неугомонными волнами челн. Упомянутый параллелизм явственно обозначается в кульминационной строфе. Цитирую ее в подстрочном переводе:

Как разбитый челн обездоленный
Среди желтых песков погибает,
Так чудесный этот край богоданный
В неволе у чужих пропадает [9].

Вид сокрушаемого челна стает как бы толчком к возникновению более масштабных обобщений. Крым в условиях Российской империи, по мнению поэтессы, «в неволе у чужих», и эта неволя отнюдь не способствует его процветанию.

Проблема свободы личности, общества, народа, свободы как социальной и философской категории является одной из ведущих в художественном мире

Леси Украинки, и эта проблема находит свою ненавязчивую и изысканную разработку и в поэтическом цикле «Крымские воспоминания».

В одном из стихотворений цикла («Татарочка») непосредственно заявляется крымскотатарская тема. Это трогательный портрет юной девушки, еще подростка, которой как ребенку еще позволено «гулять на воле», но которая уже (очевидно, впервые в жизни) надела «шелком шитую беленькую чадру». Фигура прелестной юной красавицы контрастирует с лаконично выписанным суровым пейзажем, в котором доминирует «горячее каменистое поле». Но вся эта суровость как бы отступает на второй план перед не смущающейся ее, уверенно себя чувствующей героиней стихотворения, любовно (о чем в частности свидетельствуют уменьшительные суффиксы), с помощью красочных штрихов воссозданной поэтессой. Мы живо представляем и черные волосы татарочки, и темные брови, и смуглое лицо, и красную шапочку, и беленькую чадру... С особой психологической изысканностью, тонким знанием детской души переданы в заключительной строфе игривость героини, ее умильное любопытство. Еще не привыкшая к чадре, она «то откроет личико, то закроет», с неподдельным интересом, подчеркнутым метким сравнением («глазки словно молнии»), взирает на окружающий мир.

В стихотворении «Татарочка» преобладает жизнерадостная лирическая игривость, как бы развивающая настроение, заявленное в стихотворении «Тишина морская». А в сонетах «Бахчисарай» и «Бахчисарайский дворец» более явственно характерная и для некоторых других стихотворений цикла эпическая плавность и величавость. Хотя она объединяет оба названных сонета, все же и они между собой по-своему контрастируют. В первом – с помощью живописной игры светотеней очерчивается таинственная панорама ночного Бахчисарая с характерными деталями (залитые лунным сиянием белые стены, силуэты минаретов и тополей, плеск фонтана...), возбуждающими воспоминания о былых временах. Во втором – исполненная драматической экспрессии картина, представляющая некогда величественный, а теперь разрушенный дворец. Эта картина является как бы предлогом для философских раздумий о тленности бытия. Выразительно развивается тема неволи, заявленная в стихотворении «Непогода». Как там разрушительная сила морских волн, так здесь разрушительная сила неумолимого времени сравнивается с еще более губительной силой социальных явлений, рождающих неволю. Печальные медитации сонета «Бахчисарайский дворец» своеобразно подытоживаются лаконичной и решительной констатацией:

И до сих пор здесь властвует неволя.

В последующем сонете – «Бахчисарайская гробница» – перед нами еще более грустная картина – заброшенное кладбище («Ни цветов, ни деревьев, ни ограды...»), на котором возвышается забытая гробница («Те, что в ней почили, навеки имена свои в ней скрыли»). Но с общей минорностью картины контрастирует такая же лаконичная, как и в предыдущем сонете, но еще более решительная, явно зовущая не мириться с безысходностью фраза.

Конечно, в вошедшем в цикл «Крымские воспоминания» бахчисарайском сонетном триптихе, как впрочем и в других произведениях цикла, чувствуются использование мотивов литературных предшественников Леси Украинки, на что обращает внимание в частности М.Драй-Хмара. «Крымские сонеты»

Мицкевича, – пишет исследователь, – по нашему мнению, вызвали Лесины «Крымские воспоминания»... «Мария грустная иль пылкая Зарема» – реминисценция из Пушкина» [10]. Леся Украинка и не отрицает этого, когда пишет в сонете «Бахчисарайская гробница»: «Чужого края здесь певцы бывали». Но М.Драй-Хмара явно не замечает, как оригинально решает Леся Украинка похожие темы, откровенно полемизируя со своими великими предшественниками:

О нет, здесь не лежит краса гарема,
Мария пылкая иль грустная Зарема, –
Почила здесь Бахчисарая слава!

Ни Пушкин, ни даже Мицкевич, автор свободолобивой поэмы «Дяды», которую высоко ценила Леся Украинка, не поднялись к сочувствию этому краю, к грусти по поводу неволи чудесной крымской земли.

Цикл «Крымские воспоминания», оформившийся в 1891 году, является итогом двукратного пребывания поэтессы в Крыму. Второй раз здесь Леся была и июне-августе 1891 года. Именно в этот период по примеру матери, известной украинской писательницы и этнографа, выступающей в литературе под псевдонимом Олена Пчилка, Леся Украинка с особым интересом изучает крымскотатарское народное искусство. «Олена Пчилка, – пишет исследовательница Светлана Кочерга, – сразу же по прибытию в Крым стала записывать впечатления о присущем мусульманам рисовании на стенах, осматривала тканые ковры. Лесю Украинку очаровала национальная одежда местных жителей... Но больше всего мать и дочь заинтересовались вышитыми рушниками, которые также представляют декоративное искусство крымских татар. Особенности работ крымскотатарских мастериц нашли отображение в этнографических студиях Олены Пчилки» [11].

Летом 1891 года Леся Украинка собирает коллекцию крымскотатарских узоров, зарисовывает их. Мечтает об издании альбома, о чем пишет вскоре после отъезда из Крыма в письме к своему дяде Михаилу Драгоманову, в то время профессору Софийского университета: «Хотела бы я одну вещь издать, а именно – узоры татарские, которые я в Крыму собрала, есть их немало и очень хорошие, к тому же очень похожи на украинские...» [12]. Далее в письме поэтесса представляет зарисовки чаще всего встречающихся элементов узоров – витиеватые кресты, звезды, меандр- змейка. Об отмеченном Лесей Украинкой сходстве этих узоров с узорами украинскими так писала Олена Пчилка: «Кто скажет, то ли к нам пришло это шитье и образцы, то ли, может, это плененные украинки оставили после себя традицию такого вышивания» [13]. К сожалению, пока не удалось разыскать коллекцию узоров, собранных в свое время Лесей Украинкой. Но, конечно же, они не могли не оставить следа в ее поэтическом творчестве. Своеобразно отозвались, к примеру, в лаконично упомянутых в ремарках ковре и беседке, в изысканной композиции драматического диалога «Айша и Мохаммед».

И в дальнейшие годы пребывания Леси Украинки в Крыму она проявляет интерес к крымскотатарской теме, к мусульманским мотивам, о чем в частности свидетельствуют стихотворение «Восточная мелодия» из цикла «Крымские воспоминания» (1897), рассказ «У моря» (1898), уже упомянутый драматический диалог «Айша и Мохаммед» (1907)

Один из виднейших украинских прозаиков эпохи раннего модернизма Михаил Коцюбинский (1864 – 1913), чья жизнь и творчество тесно связаны с Крымом, назвал Крым «татарским царством» и как художник слова увлекался крымскотатарским национальным колоритом. Его импрессионистические новеллы «В путях шайтана» (1899), «На камне» (1902), «Под минаретами» (1904), отталкиваясь от реалий крымскотатарского быта, от проблем жизни крымскотатарского народа, тяготеют к художественной философичности, своеобразной поэтической символике, им присуща неповторимая игра разнообразных оттенков, переливы настроений. Даже в советскую эпоху, когда на крымскотатарской теме в творчестве того или иного писателя не принято было заострять внимания, глубокий знаток и тонкий ценитель творчества М.Коцюбинского Нина Калениченко подчеркнула особую роль произведений крымского цикла в творческом становлении писателя и развитии его поэтики. «Уже произведение «В путях шайтана», – пишет исследовательница, – и тематически, и своими художественными особенностями значительно отличается от ранних рассказов Коцюбинского. Сосредотачивая внимание на крушении старых патриархальных обычаев татарского села и рождении в нем ростков нового, писатель прибегает здесь к новому способу художественного изображения. В произведении почти нет описаний, бытовых подробностей, широкой характеристики персонажей, нет развернутого традиционного сюжета. Писатель раскрывает исключительно внутреннее, душевное состояние татарской девушки Эмине, беря лишь один эпизод из ее жизни – настроение праздничной скуки: когда девушку, свободную от разных обыденных дел, с особой силой захватывает тоска по лучшей, свободной жизни.

С переживаниями и мыслями персонажей гармонирует и язык произведения – легкий, богатый лирическими интонациями, эмоциональный, густо метафоризированный» [14]. Стоит только добавить, что противопоставляя патриархальные традиции и новые веяния, автор избегает, впрочем, как и в других аспектах произведения, черно-белых красок, художественное постижение драматического взаимодействия старого и нового у него лишено однозначного осуждения или чрезмерной идеализации очерченных оппозиций.

Н. Калиниченко отмечает также особую роль в творчестве М.Коцюбинского новеллы «На камне»: «Произведение «На камне» И.Франко назвал одной из драгоценнейших жемчужин нашей литературы. Новелла ярко раскрывает основные черты мастерства Коцюбинского, особенно исключительную пластичность человеческих образов и живописность описаний природы. Коцюбинский вообще в создании образов проникается ролью то живописца, то музыканта. У него звуки играют красками, а краски звуками («серебристый хохот», «черная тишина», «золотая усмешка» и др.)... Новеллу «На камне» писатель назвал «акварелью». В ней действительно преобладают живописные средства... Зрительные образы часто переплетаются со звуковыми передавая игру Али, писатель и повествование свое словно наполняет мелодией зурны» [15]. Импрессионистически живописна, исполнена неповторимого крымскотатарского колорита также обширная, приближающаяся по своим жанровым параметрам к повести новела «Под минаретами», действие которой происходит в Бахчисарае начала XX века. Здесь присущие поэтике автора разнообразные художественные оттенки, яркие детали, лирические и

драматические интонации изысканно сочетаются с публицистическими мотивами; украинский прозаик, как и выдающийся крымскотатарский писатель и просветитель И.Гаспринский, рассуждает в частности о необходимости создания на основе бахчисарайского диалекта единого крымскотатарского литературного языка, затрагивает другие актуальные вопросы.

Еще один классик украинской литературы начала XX века – писатель и ученый Агатангел Крымский (1871–1942). А.Крымский автор знаменитого поэтического сборника «Пальмовые ветви» («Пальмове гілля»), вышедшего при его жизни несколькими изданиями в 1901 – 1923 годах, яркого явления в украинской модерной литературе. Как ученый он известен прежде всего как ориенталист, знаток многих восточных языков и культур, переводчик „Корана” на русский язык, автор многочисленных монографий и статей по вопросам востоковедения. Предки А.Крымского по линии отца – бахчисарайские татары, и наверно это стало толчком заинтересованности ученого тюркской, арабской, иранской и другими культурами Востока. Исследователь жизни и творчества А.Крымского, видный современный ориенталист Омелян

Прицак пишет: «Еще до 1889 года А.Крымский окончательно решил вопрос своей национальной принадлежности как украинца. Но он никогда не чуждался Крыма, родины своих предков». Далее ученый цитирует написанный и изданный А. Крымским в 1930 году очерк «Литература крымских татар»: «История новой крымскотатарской литературы, которую сумел создать народ, насчитывающий не более чем 178 тысяч душ, вся разворачивалась на моих глазах. Я чутко стал следить за ней с 1889 года [время вступления в Москве в Лазаревский институт восточных языков], я долго был знаком с патриархом крымской литературы Исмаилом Гаспринским и его соратниками, далее с большой симпатией поддерживал и поддерживаю личное знакомство с главными деятелями крымской литературной жизни» [16]. В издаваемом А.Гаспринским журнале «Терджиман – Переводчик» неоднократно печатались статьи А.Крымского, рецензии на его научные работы, а в 1915 году (№ 204) появляется библиография работ ученого. Особенно окрепли связи А. Крымского с деятелями крымскотатарской культуры после его переезда в 1918 году в Киев, когда ученый стал одним из руководителей созданной во времена гетьмана Скоропадского Академии наук Украины, организатором Кабинета арабо-иранской филологии, Тюркологической комиссии... Среди близких сотрудников и друзей А.Крымского многие видные деятели крымскотатарской культуры и литературы – Осман Акчокраклы, Бекир Чобан-заде, Абдулла Лятиф-заде, Якуб Кемал. Одним из результатов плодотворного сотрудничества А.Крымского с крымскими коллегами стал выход в 1930 году сборника Академии наук Украины „Студії з Криму”, где помещена работа ученого „Література кримських татар” – обзор основных явлений и тенденций крымскотатарской литературы с XIII по первые десятилетия XX века с приложением краткой антологии крымскотатарской поэзии в украинских переводах (большинство переводов с крымскотатарского на украинский принадлежит Осману Акчокраклы).

В 20-30-е годы XX века активно интересуется тюркскими культурами выдающийся украинский поэт Павло Тычина (1891–1967). В ноябре 1928 января 1929 года П.Тычина пребывает в Турции в составе делегации

Всеукраинской ассоциации востоковедения. 1 января 1930 года в Харькове создается Научно-исследовательский институт востоковедения Украины, П.Тычина становится его сотрудником. Поэтому неслучайна заинтересованность украинского поэта и филолога крымскотатарской литературой. В середине 90-х годов известный тычиновед Александр Губарь обратил внимание на существование в фондах Киевского государственного музея-квартиры П.Тычины многочисленных изданий крымскотатарской литературы, авторов, преимущественно репрессированных в конце 30-х годов сталинским режимом. Сам факт хранения этих книг, как и собственной так называемой «шухлядной» поэзии, свидетельствует о мужестве поэта, которого все же не смогла до конца сломить тоталитарная система. После репрессий, коснувшихся не только отдельных личностей, но и целых народов, в условиях торжества тоталитаризма трудно говорить о развитии украинско-крымскотатарских литературных связей. Хотя они не угасают, время от времени напоминают о себе. Так наряду с «Собором» Олеса Гончара одним из скандальных явлений украинской литературы советской эпохи стал увидевший свет в 1970 году роман Романа Иванчука «Мальвы», разрушающий стереотип об извечной враждебности украинцев и крымских татар, художественно постигающий общность судеб двух соседних народов. Этот роман подвергся резкой официальной критике и был запрещен, и только в 90-е годы переиздан под названием «Янычары».

Наблюдающаяся ныне активизация украинско-крымскотатарских культурных и литературных связей, как видим, имеет давние корни и плодотворные традиции. Двухязычное издание избранных произведений Великого Кобзаря «Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко» (Симферополь, 1999), также двухязычный двутомник Леси Украинки (Симферополь, 2001) и постановка ее знаменитой драмы феерии «Лесная песня» на сцене Крымскотатарского академического драматического театра (режиссер Ахтем Сейтаблаев), подготовленное профессором Александром Губарем и оснащенное его основательным предисловием трехязычное (на украинском, крымскотатарском и русском языках) издание труда А.Крымского «Литература крымских татар» (Симферополь, 2003), двухязычная антология крымскотатарской поэзии XIII–XX веков (составители Микола Мирошниченко, Юнус Кандым, Киев, 2003), подготовка аналогичной антологии прозы – это лишь некоторые явления нашего нынешнего сотрудничества.

Литература

1. Закувала зозуленька: Антологія української народної творчості. - К., 1989. – С. 322 - 332
2. Мотивы чумацких песен трансформированы в некоторых лирических стихогворениях Т.Шевченко, в рассказах Марка Вовчка („Чумак“, „Сон“), в пьесе С.Руданского „Чумак“, произведениях других авторов. Отозвались они не только в литературе. К примеру, в феодосийской картинной галерее экспонируется картина И.Айвазовского „Обоз чумаков“ (1862).
3. Кримський хан Газі-Гірсі (1588-1607) і децю з його віршів // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – Т. 13. – К., 1978. – С. 609-613. Авторская дата свидетельствует, что И.Франко писал статью 20-21 января 1915 г. В примечаниях он указывает на один из ее источников: Panzer - Purgstall. Geschichte der Chane der Krim unter osmanische Herrschaft. – Wien, 1856.
4. Леся Українка // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – К., 1976 – 1986. – Т. 31. – С. 226.

5. Косач-Кривинюк О. Леся Українка: Хронологія життя і творчості. – Нью-Йорк, 1970.
 6. Мороз М.О. Літопис життя та творчості Лесі Українки. – К., 1992.
 7. Бабишкін О. Леся Українка в Криму. – Сімферополь, 1955.
 8. Кочерга С. Іфігенія в Тавриді: Сторінки кримського літопису Лесі Українки. – Сімферополь, 1998.
 9. Українка Леся. Зібрання творів: У 12 т. – К., 1075 – 1979. – Т. І. – Здесь и далее стихотворения Леси Украинки цитируются в подстрочном переводе по этому изданию, с. 104 – 108.
 10. Драй-Хмара М. Леся Українка: Життя і творчість. – К., 1926. – С. 75.
 11. Кочерга С. Іфігенія в Тавриді... – С. 26 – 27.
 12. Українка Леся. Зібрання творів... – Т.10. – С. 113.
 13. Цит. по: Кочерга С. Іфігенія в Тавриді... – С. 27.
 14. Калениченко Н.І. Михайло Коцюбинський // Історія української літератури: У 8 т. – Т. 5. – К., 1968. – С. 148.
 15. Там же. – С. 151 – 152.
 16. Пріцак О. Агатагел Кримський // Київська старовина. – 1992. – № 1. – С. 18 – 19.
- См.
таже: Павличко Соломія. Національність, сексуальність, орієнталізм: Складний світ Агатагела Кримського. – К. 2001; Агатагел Кримський – творець та інтерпретатор літератури: Збірник наукових праць. – Сімферополь, 2002.
17. Губарь А. Мы – звезды одного неба: К 105-летию со дня рождения Павла Тычины // Голос Крыма. – 1996. – 5 апр. См. также: Кандим Ю. Джерела духовного єднання: До питання історії і сучасного стану українсько-кримськотатарських літературних зв'язків. – Кримська світлиця. – 2003. – 3 жовтня. – С. 13.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005